

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕТОДОЛОГИИ П. БУРДЬЕ

Одной из самых актуальных методологий в исследовании социальных институтов, социальных групп и идентичности является методология Пьера Бурдьё, которую он развивает в своей работе «Практический смысл». Основная идея этой методологии заключается в том, что *наибольший интерес для исследователя представляет не то, что люди о себе думают, а то, как люди поступают в своей повседневной практике*, т.е., по его мнению, реальность и ценности могут сильно расходиться в повседневной жизни.

Развивая свою концепцию, П. Бурдьё [1] вводит понятие «габитус». Габитус – способность воспроизведение определенной схемы, однако он ограничен определенной структурой, с которой сливается агент, производящий практики этой социальной структуры. Габитус, по сути, воспроизводство внешних социальных структур под видом внутренних: «Агенты никогда не бывают свободны, но никогда иллюзия свободы (или отсутствия принуждения) не бывает столь полной, как в случае, когда они действуют, следуя схемам своего габитуса, то есть объективным структурам, продуктом которых является сам габитус: в этом случае агенты ощущают принуждение не более чем тяжесть воздуха» [1, с.182]. Эти структуры не только влияют на повседневную практику человека, но и сами трансформируются с каждым его действием. Человек, таким образом, – сеть практик и выбора стереотипов поведения. П. Бурдьё говорит о том, что габитус порождается полем, однако только благодаря габитусу поле получает свою значимость, в смысле распределения ролей и капитала. Поэтому для определения габитуса необходимо будет понять границы поля, которое можно условно назвать «советское»; а также то, как это поле воздействует на

формирование идентичности и практик внутри этого поля. Необходимо также выяснить, насколько это поле являлось «оригинальным» с той точки зрения, какие черты полей, которые прежде существовали, вобрало в себя это поле, т.к., по теории полей П. Бурдье, различные поля контактируют и влияют друг на друга. Как говорит последователь П. Бурдье Н. Козлова: «Габитус - социальность и история, встроенные в тело и язык. Это прочное, устойчивое, но крайне эластичное социальное образование. Это результат давления условий и социальных обусловленностей, воплощенный в самом сердце агента» [2, с.73]. Таким образом, можно сказать, что габитус – это та категория, которая олицетворяет собой: привычки, ценности, поступки – стиль жизни.

Одним из самых известных последователей П. Бурдье в России является Наталья Козлова, попытавшаяся применить концепцию на материале, полученном в результате изучения так называемых «человеческих документов», иными словами, мемуаров и дневников, написанных простыми людьми в советский период. Наиболее интересным является период 20-х годов, когда и происходило формирование «советского поля» и «советского габитуса», когда еще большинство населения состояло из людей, воспитанных еще в царские годы, соответственно можно проследить трансформацию российской личности. Вслед за П. Бурдье, Наталья Козлова говорит о том, что большое значение в повседневной практике человека играют правила. Наталья Козлова говорит о том, что *вся повседневная деятельность человека – это игра*. Пока идет игра, живет и общество. «Правила и порядок, предписывающие определенное заполнение игрового пространства, составляют сущность игры» [2, с.65]. Таким образом, можно сказать, что правила составляют сущность социальных структур и габитуса, и человек должен выбирать, следовать этим правилам или нет, если следовать, то в какой мере. В связи с этим, в любом социальном пространстве возникает такая ситуация, при которой существует несколько

типов людей: есть люди, которые играют успешно, есть аутсайдеры. Человек постоянно осуществляет выбор: он пытается понять правила, по которым он должен жить; постоянно пытается себя идентифицировать и он это делает, даже полностью отвергая ценности общества. Поэтому можно говорить о том, что, как и в любом обществе, существуют люди, которые являются олицетворением той системы, в которой живут, а есть те, которые не вписываются. Их существование в системе зависит от свойств самой системы. Репрессивный характер тоталитарных систем подразумевает то, что люди, которые «не подходят» для системы идентифицируются как враждебные элементы, часто находясь под угрозой изоляции от общества. Почему это происходит? На этот вопрос поможет ответить Карл Шмитт. В своей работе «Понятие политического» он пишет, что основные политические категории – это категория «враг» и категория «друг». Это своеобразный критерий, степень интенсивности соединения и разделения. В кризисные ситуации эти категории могут объединяться с категориями искусства, с категориями этики. Поэтому неудивительно, что в обществе, где государственная жизнь проникает во все сферы жизни, человек, идентифицируемый как оппозиция, может быть устранен из общества вообще. Т.е. его действия могут не носить политического характера, но т.к. государственное присутствует во всех сферах, его действия могут влиять уже на политический режим, поэтому такой человек для него опасен [3].

Для изучения «советского поля» необходимо понять посылки и свойства его агентов, вычленив их габитус, т.е. понять его ценности и стереотипы поведения. В своей работе «Советские люди» Наталья Козлова [2] приводит пример агента социальной системы. Но начать стоит с того, что большинство автобиографических произведений написано таким образом, что большинство повествований начинаются с 1917 года. Эта дата, также, как и советской пропагандой, в «человеческих документах» сакрализуется тем или иным образом. По этому поводу Ш. Фицпатрик и А. Людтке пишут:

«Почти в каждой советской изустной истории, ставшей достоянием историков в 1990-е годы, в которой речь идет о сталинских временах (независимо от политических убеждений респондента), присутствует по крайней мере одно испытание об испытанной когда-то гордости и чувстве отождествления себя с коллективом и властью: во время получения награды, от признания результатов каких-либо работ, после выигранных соревнований, присутствия на торжественных церемониях, при виде советских на авиационных парадах, в ходе встреч с вернувшимися из экспедиции полярниками и т.д.» [4, с.355] Многие исследователи, как например Л. Гудков [5], говорят о том, что тоталитарный режим стремился к тесному сплочению большой массы людей. Все они сходятся на том, что каким бы посылом не руководствовались и какими бы способами не осуществлялись эти «сплачивания» (у того же Гудкова: через *мобилизацию*), все они были нацелены на достижение такого состояния, при котором индивид испытывал те же эмоциональные состояния и действовал бы также, как и сама общность. Таким образом, «советский габитус» покоится между тем, каким человек предстал в интересующий период, какой багаж он имел к тому времени, и между тем, как воздействовали на него акции тоталитарного режима.

Иван Иванович Белоносов – так называет своего протагониста сама Н. Козлова, он является наиболее интересным в том смысле, что он, по своей сути, *социальный агент советского общества*, который никогда при своей жизни не дистанцировался от него и всегда идентифицировался с ним, воспроизводя большую часть его социальных практик: «Иван Иванович всегда пишет так, как надо, политически и идеологически корректно. Он не дистанцируется от общества и его языка и умело следует «правилам игры», которые, как известно, часто менялись. Во всяком случае, создается впечатление, что он всегда – в струе. Он искренне считал и профсоюзы, в структуре которых трудился, и самого себя инструментом советской власти»

[2, с.116]. Почему он последовательно воспроизводит ценности общества? У исследователя Павла Кудюкина в статье: «Производственная квазиобщина как центр жизненного мира» большое внимание уделяется производственной общности людей: «Жизнь большинства советских людей структурировалась их рабочим местом. Советское общество было чрезвычайно производственно-центричным» [6, с.44]. *Производственное объединение в дискурсе советской культуры называлось «коллективом» и ему придавалась большее значение.* Т.е. он считает, что воспитанием «советского человека» занимался коллектив как часть некоторого всеобъемлющего коллектива. Понимает он коллектив как особенный тип общности. Это мнение разделяют и немецкие антропологи: П. Фрицше, Й. Хельбек в сравнительном исследовании тоталитарных обществ: «В советском государстве существовала определенная привязанность к коллективу и к его отдельным субъектам (хотя привязанность не была личностная), рабочие часто называли своих коллег по имени-отчеству, однако, существовали трения между старыми и новыми рабочими, а также со стахановцами» [7, с.401]. Таким образом, можно сказать, что через отождествления себя с некоторым коллективом, человек отождествлял себя и с «мета-коллективом». Он верил в то, что коллектив включает в себя свойства некоторой всеобъемлющей структуры. Другой исследователь, П. Кудюкин считает, что человек стал привязан к своему рабочему месту и к производственным отношениям, что и формировало его систему мироотношения, но это, по большей части, относится к людям рабочих специальностей: «Промышленный рабочий уже не работает на дому, но его жилье максимально близко расположено к заводу или фабрике: фабричные казармы, фабрично-заводские пригороды, заводские слободки разрастались вокруг предприятий так же, как средневековый город мог возникнуть вокруг замка или монастыря» [6, с.44–45] П. Кудюкин видит в этом некоторую *консервацию* и *архаизацию* экономической и политической жизни. С этим согласна исследовательница советской жизни 30-40х годов Ш.

Фицпатрик, по ее мнению, колхоз и стал реализацией этой концепции. Но Фицпатрик в этом видит не столько социально-экономическую консервацию, сколько культурную, она полагает, что коллективизация стала определенным «откатом» в досоветские времена, однако, со своими особенностями. Ш. Фицпатрик в своем труде «Сталинские крестьяне», показывает то, что *была сохранена община как тип общности*, однако, которая *получила наименование «коллектива»* (официальные названия колхозов – сельскохозяйственные коллективы или артели): «Летом 1929 г. советская власть избрала новую стратегию коллективизации, пытаясь записывать в колхоз не отдельные крестьянские дворы, а целые села и земельные общества. Именно по такому принципу проводилась коллективизация в бурные первые месяцы 1930 г. В общих чертах этот принцип колхозного строительства сохранился на протяжении всего десятилетия. Когда летом 1930 г. община в России была упразднена, колхоз стал *de facto* ее преемником. Иными словами, колхоз 30-х гг. представлял собой коллективизированное село» [8, с.120]. Т.е. коллективом в селе стала крестьянская община, которая уже обладала своей системой ценности. Даже в конфликтных ситуациях И. Белоносов использует дискурсивную модель советской идеологии, обращаясь к государственным интересам. Себя он постоянно отождествляет с различными политическими и экономическими курсами страны, он всегда отождествляет себя с государством и другими структурами, в которых он состоит. С одной стороны, он всегда пытается выступать с политических и экономических позиций, но, с другой стороны, как и проект «нового человека» в рассуждениях Ш. Фицпатрик, А. Людтке [4], И. Белоносов свою личную жизнь понимает в эпохальном значении, в значении элемента какого-то действия, где задействованы большие группы людей, он себя понимает в историческом контексте. Он растворен, он часть коллектива, но каждая часть коллектива важна для истории, но, занимаясь поиском обоснования своего эпохального исторического значения, он

вступает в противоречие, пытаясь найти это обоснование в личной родословной линии.

«Личная история Ивана Ивановича – явно не только аккумуляция опыта. Она выглядит в высшей степени абстрактной и редуцированной к некоторой модели. Между прочим, этим она и интересна для исследователя. Личные модели восприятия и памяти социально обусловлены, это социальные конструкции. Эти конструкции «принуждают» индивида рассматривать то или иное событие в определенном контексте. Входящие в модель понятия не произвольны, они отображают социальную значимость ситуаций» [2, с.123]. Таким образом, в его фонде несколько раз присутствует описание смерти отца, сформированные по художественным советским агиографическим канонам. Происходит поиск способа описания личных событий и этот поиск оканчивается именно в общепринятых художественных канонах.

Иван Иванович активно занимается воспроизводством ценностей и установок общества: «Сам Иван Иванович всей душой привязан к высказываниям классиков марксизма-ленинизма. Он с гордостью сообщает, что, просматривая архивные документы, обнаружил обращение в ЦК ВКП(б) академика Баха с предложением создать университеты марксизма-ленинизма ученых» [2, с.135]. И. Белоносков является социальным агентом и входит в разряд «актива» «сверхоллектива», являясь одновременно его преданным членом. Часто личные события Ивана Ивановича подкрепляются делопроизводственными документами, что может значить и отождествление себя с государством как институтом, и отождествление себя с коллективом, функцией которого является этот институт. Отождествляя себя с обществом людей, как говорит Козлова, человек изменяет свои собственные стереотипы поведения и, в данном случае, способы жизнеописания, чтобы встроиться в определенный дискурс. Опять же происходит неосознанная проекция социальной реальности на мемуары и на описываемые в них события.

События в своей личной жизни И. Белоносов рассказывает или через контекст историко-политической реальности, либо перекладывая значение субъекта события на других людей, т.е. рассказывая о себе в третьем лице. *Т.е. ценность и авторитет других людей, которые идентифицируются как «свои» в обществе, возрастает по сравнению с собственной значимостью, и это допускает переложение контроля за собой на их же плечи. Это означает, что реализуется концепция О. Хархордина в работе «Обличать и лицемерить» [9], согласно которой, коллектив уровне повседневной практике мемуаров формирует идентичность, заставляя человека себя изменять в соответствии с основными ценностями общности, которую теперь, исходя из этого, можно назвать коллективом. Так протагонист, по моему мнению, реализует в своем самоописании схемы, которые были приняты на официальном уровне. Из того всего можно сделать вывод о том, что «советский габитус» трудно выделить, т.е. можно назвать его атрибутивные качества, но невозможно понять где начинаются качества советского человека и заканчиваются качества человека царской России.*

С точки зрения П. Бурдье [1], любое государство как институт с необходимостью вовлечено в символический обмен. Я полагаю, что тоталитарные режимы как государственные институты заинтересованы в этом обмене в наибольшей степени, а сам символический обмен участвует и в формировании габитуса простого человека. Как отмечает Т. Круглова в своей статье «Идеологическое искусство или художественная идеология: онтологизация идеологии в художественных практиках XX века» [10], тоталитарные режимы как институты по своей природе склонны к эстетизации всех своих действий. Т.е. вся действительность переименовывается в соответствии с идеологией. Соответственно для этого государство пытается монополизировать все, что может быть использовано в символическом обмене: искусство, религию. Любая акция против государственной идеологии, будь то критическая статья Кирова или

стихотворение Мандельштама, воспринимается как физическая угроза. Это происходит не только потому, что, проникая во все сферы жизнедеятельности страны, тоталитарный режим пытается развиваться во всех плоскостях, но и потому, что тоталитарный режим заинтересован в символическом обмене, и этот обмен является одним из рычагов воздействия.

Если идти от государственного аппарата и государственной идеологии, можно заметить, что государство в символической системе в тоталитарных странах котируется как самая большая община в стране, обладающая самым большим авторитетом и силой, но следует отметить, что наибольшее влияние на человека оказывает ближний круг взаимодействия. Как же получается, что страна как общность и государство как институт являются наибольшими авторитетами, хотя находятся в наиболее удаленной от человека среде? Многие исследователи сходятся на мнении, что действия тоталитарного режима в повседневной жизни носят очень жестокий, но эпизодический характер, т.е. простой человек видит непосредственные действия руководства крайне редко. Откуда же авторитет государственного аппарата? Дело в том, что, хотя действия и носят эпизодический характер, действия эти многократно усиливаются благодаря намеренному подчеркиванию необходимых идеологии аспектов. Все это производится сильному пропагандистскому аппарату и с помощью искусства.

С другой стороны, понятно, что СССР образца 20-х годов не мог считаться «глубоко коммунистической» страной. Известно, что и марксистская философия, и пролетарский класс были плохо распространены в стране. Так что же держало вместе большие массы населения? Ответ кроется в самой социальной ситуации, в ситуации кризиса. Как отмечалось ранее, именно в таких ситуациях может произойти объединений политических и других категорий. Именно этой ситуацией пользуется тоталитарный режим СССР. Габитус российской личности в это время не

очень разительно отличался от габитуса предыдущей эпохи, но «символическое» воздействие начало п-новому формировать систему ценностей. Старые общности в символическом дискурсе получают новые имена: коллективы, колхозы, активы. Все это существовало под другими именами и ранее, но сейчас им придается иное значение. Символическое воздействие оказывается наиболее в категориях «враг и друг», эти категории символически радикализируются в тоталитарных обществах, чтобы сплотить тех, кого называют «друзья». Все это делается с помощью маркирования, порой искусственного. Все это выдается за реально положение дел и преподносится таким образом, чтобы «символическое» действие конвертировалось в политическое и экономическое.

Существование структур-коллективов поддерживается благодаря многовековым практикам общины, которые выдаются в символической системе как «новаторские» и идеологически верные, символически определяются враги, таким же образом внешнее воздействие преподносится как внутренняя сознательность индивидов. Т.е. существует система похожая на монархическую авторитарно-патриархальную с множеством общин, подчиненных внешнему единому руководству, авторитет которого обуславливается высшими силами. Все это в купе производит символический капитал советского руководства, который с помощью инструментов таких, как система пропаганды преподносится как реальное положение дел. Именно поэтому советского человека как особый габитус выделить сложно, но можно выделить его внешние, атрибутивные качества.

Литература

1. Бурдьё П., Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии». 2001 г.

2. Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. Москва. Европа. 1999 г.
3. Шмитт К., Понятие политического // Вопросы социологии. — 1992 г. — № 1. — С. 35—67.
4. Фицпатрик Ш., Людтке А. Заряжая энергией повседневность. Социальные связи при нацизме и сталинизме.// За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. Российская политическая энциклопедия. Москва. Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». 2011 г.
5. Гудков Л. Тоталитаризм как теоретическая рамка. 2001 г.// Негативная идентичность. Москва. Новое литературное обозрение - ВЦИОМ-А. 2004 г.
6. Кудюкин П. Производственная квазиобщина как центр жизненного мира.// СССР. Жизнь после смерти. М. Издательский дом Высшей школы экономики. 2012 г.
7. Фрицше П., Хельбек Й. "Новый человек" в сталинской России и нацистской Германии.// За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма, Российская политическая энциклопедия. Москва. Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». 2011 г.
8. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. Москва. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н.Ельцина. 2001г.
9. Хархордин О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. Москва–Санкт-Петербург. Летний сад. 2002 г.
10. Круглова Т. Идеологическое искусство или художественная идеология: онтологизация идеологии в художественных практиках XX века, 2005

Данилов Д. Л.,
г. Екатеринбург

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Современное российское общество представляет собой весьма неоднозначную и сложную структуру социальных институтов и системных связей. Положение отдельных категорий индивидов определяется во многом принадлежностью к определенной структуре – социальному институту: институту образования, экономики и т. д. В этом отношении важно отметить «профессиональный аспект»: встроенность индивида в структуру института в соответствии с уровнем образования и квалификации. Прежде чем мы начнем разбор понятия «профессиональная общность» как «скопления» людей, которые включены в конкретную сферу жизни общества и специфика деятельности которых в определенной степени одинакова по набору конкретных действий, начнем с понятия «социальная общность», выступающего своеобразным соединительным механизмом между личностью (представителем той или иной социальной общности) и обществом [1, с.4].

Рассмотрим, какие существуют определения социальной общности.

Общность, согласно воззрениям немецкого социолога Ф. Тенниса, - высший способ ассоциации. Социолог отождествляет одно из своих ключевых понятий «общность» с набором особого типа социальных связей [2]. С позицией Ф. Тенниса соглашается польский социолог Я. Щепаньский, который говорит, что социальная общность – это, прежде всего, объединение